

ВАСИЛИЙ КЛЮЧЕВСКИЙ

АФОРИЗМЫ И МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ

Василий Ключевский

Афоризмы и мысли об истории

«Public Domain»

Ключевский В. О.

Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский — «Public Domain»,

Василий Осипович Ключевский – выдающийся русский историк, академик, профессор Московского университета и Московской духовной академии, создатель научной школы – писал о событиях и фактах российской действительности увлекательно и доступно. Исторические портреты, дневники и афоризмы ученого – блестящего мастера слова – отражают его размышления о науке, жизни, человеческих достоинствах и недостатках. «В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли» – это высказывание В.О.Ключевского подтверждает вся его жизнь.

Содержание

Афоризмы и мысли об истории	5
Тетрадь с афоризмами	5
Записная книжка	18
Разрозненные афоризмы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Василий Ключевский

Афоризмы и мысли об истории

Афоризмы и мысли об истории

Тетрадь с афоризмами

[1891 г.]

1.

Закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности.

2.

Если тень человека идет впереди его, это не значит еще, что человек идет за своею тенью.

3.

Если под характером разумеется решительность действия в одном направлении, то характер есть не что иное, как недостаток размышления, не умеющего указать воле других направлений.

4.

Так называемые типы времени – это лица, на которых застыли наиболее употребительные или модные гримасы, вызванные патологическим состоянием людей известного времени.

5.

Человек – это величайшая скотина в мире.

6.

Наша государственная машина приспособлена к обороне, а не к нападению. Она дает нам столько же устойчивости, сколько отнимает подвижности. Когда мы пассивно отбиваемся, мы сильнее себя, ибо к нашим оборонительным силам присоединяется еще наше неумение скоро понять свое бессилие, т. е. наша храбрость увеличивается тем, что, испугавшись, мы не скоро собираемся бежать. Напротив, нападая, мы действуем только 10 % своих сил, остальное тратится на то, чтобы привести в движение эти 10 %. Мы точно тяжеловооруженный рыцарь средних веков. Нас победит не тот, кто рыцарски правильно атакует нас с фронта, а кто из-под брюха лошади схватит нас за ногу и перекувырнет: как таракан, опрокинувшийся на спину, мы, не теряя штатного количества наших сил, будем бессильно шевелить ногами, ища точки опоры. Сила есть акт, а не потенция; не соединенная с дисциплиной, она сама себя убивает. Мы низшие организмы в международной зоологии: продолжаем двигаться и после того, как потеряем голову.

7.

Можно иметь большой ум и не быть умным, как можно иметь большой нос и быть лишены обоняния.

8.

Добро, сделанное врагом, так же трудно забыть, как трудно запомнить добро, сделанное другом. За добро мы платим добром только врагу; за зло мстим и врагу, и другу.

9.

Мужчина любит женщину чаще всего за то, что она его любит; женщина любит мужчину чаще всего за то, что он ею любит.

10.

Семейные ссоры – штатный ремонт ветшающей семейной любви.

11.

Красавица смотрит на свою любовь, как на жертву Молоху; некрасивая считает ее ненужным подарком, который ей позволили принести; женщина ни то ни сё видит в ней просто половую повинность.

12.

Страсти становятся пороками, когда превращаются в привычки, или добродетелями, когда противодействуют привычкам.

13.

Когда дурак начинает считать себя остроумным, количество остроумных людей не увеличивается; когда умный человек признает себя остроумным, всегда становится одним умным меньше и иногда одним остроумным больше; когда остроумный начинает считать себя умным, всегда одним остроумным становится меньше и никогда не бывает одним умным больше.

14.

Умный спросил глупого: «Когда Вы скажете что-нибудь умное?» – «Тотчас после Вашей первой глупости», – отвечал глупый. – «Ну, в таком случае нам обоим придется ждать долго», – продолжал умный. – «Не знаю, как Вы, а я уже своего дождался», – закончил глупый.

15.

Только в математике две половины составляют одно целое. В жизни совсем не так: например, полоумный муж и полоумная жена – несомненно две половины, но в сложности они дают двух сумасшедших и никогда не составят одного полного умного.

16.

Любовь женщины дает мужчине минутные наслаждения и кладет на него вечные обязательства, по крайней мере пожизненные неприятности.

17.

Есть женщины, в которых никто не влюбляется, но которых все любит. Есть женщины, в которых все влюбляется, но которых никто не любит. Счастлива только та женщина, которую все любят, но в которую влюблен лишь один.

18.

Женщины, не любившие в молодости, под старость бросаются в благотворительность. Мужчины, начавшие поздно размышлять, обыкновенно пускаются в философию. Последним философия так же плохо заменяет понимание, как первым благотворительность – любовь.

19.

Женщина плачет, потеряв то, чем долго наслаждалась; мужчина плачет, не достигнув того, чего долго добивался. Для первой слезы – вознаграждение за потерю, для второго – награда за неудачные усилия и для обоих – утешение в несчастьи.

20.

Счастье – кусок мяса, который увидела в воде собака, плывшая через реку с куском мяса во рту. Добиваясь счастья, мы теряем довольство; теряем, что имеем, и не достигаем того, чего желаем.

21.

Исключения обыкновенно правильнее самого правила; но они потому не составляют правила, что их меньше, чем неправильных явлений.

22.

Кто из людей презирает людей, должен презирать и самого себя, потому презирать людей вправе только животное.

23.

Он грязно обращался с женщинами, и потому женщины его не любили, потому что женщины все прощают, кроме одного – неприятного обращения с собою.

24.

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.

25. Мужчина любит женщину, сколько может любить; женщина любит мужчину, сколько желает люб[ить]. Потому мужчина обыкновенно любит одну женщину больше, чем она того стоит, а женщина хочет любить больше мужчин, чем сколько в состоянии любить.

26.

Мужчина любит обыкновенно женщин, которых уважает; женщина обыкновенно уважает только мужчин, которых любит. Потому мужчина часто любит женщин, которых не стоит любить, а женщина часто уважает мужчин, которых не стоит уважать.

27.

Хорошая женщина, выходя замуж, обещает счастье, дурная – ждет его.

28.

Политика должна быть не более и не менее как прикладной историей. Теперь она не более как отрицание истории и не менее как ее искажение.

29.

Образ правления в государстве – то же, что темперамент в человеке. Что такое темперамент? Это способ распоряжения своими мыслями и поступками, насколько он зависит от уста-

новленного всей конструкцией человека соотношения его духовных и физических сил. Что такое образ правления? Это способ направления народных стремлений и действий, насколько он зависит от установившего исторически соотношения его нравственных и материальных средств. История, прошедшее для народа – то же, что для отдельного человека его природа, ибо природа каждого из нас есть не что иное, как сумма наследственных особенностей. Значит, как темперамент есть совокупность бессознательных, но из самого человека исходящих условий, дающих на личную волю, так образ правления определяется суммой не зависящих от общественного мнения, но из самого народа исходящих условий, которые ограничивают общественную свободу. Общественное мнение в народе – то же, что личное сознание в отдельном человеке. Следовательно, как темперамент не зависит от сознания, так образ правления не зависит от общественного мнения. Первый может измениться от воспитания; второй изменяется народным образованием.

30.

Творцы общественного порядка обыкновенно становятся его орудиями или жертвами, первыми – как скоро перестают творить его, вторыми – как скоро начнут его переделывать.

31.

Порядочная женщина до замужества может любить только жениха, а после замужества только мужа. Но жениха она не любит вполне, потому что он еще не муж, а мужа – потому что он уже перестал быть женихом, так что порядочная женщина никогда не любит ни одного мужчины так, как женщина должна любить мужчину, т. е. вполне.

32.

Республиканцы в монархиях – обыкновенно люди, не имеющие царя в собств[енной] голове; монархисты в республиках – люди, замечающие, что другие его теряют.

33.

Вся разница между умным и глупым в одном: первый всегда подумает и редко скажет, второй всегда скажет и никогда не подумает. У первого язык всегда в сфере мысли; у второго мысль вне сферы языка. У первого язык секретарь мысли, у второго ее сплетник или доносчик.

34.

Влюбленный мужчина всегда глуп, потому что добивается только любви женщины, не желая знать, какую любовью любит его женщина, а это главное, потому что женщина любит только свою любовь и любит мужчину лишь насколько мужчина любит любимую ею любовь.

35.

Мужчина падает на колени перед женщиной только для того, чтобы помочь ее падению.

36.

«Я ваша игрушка», – говорит женщина, отдаваясь мужчине. – «Но, становясь моей игрушкой, ты остаешься ли моим другом?» – спрашивает мужчина. – «О, конечно», – отвечает женщина. – «В таком случае я имею право подарить моему другу мою лучшую игрушку», – продолжает мужчина.

37.

«Я вся твоя», – говорит женщина. – «Все мое – твое», – возражает ей мужчина, но никогда не говорит при этом: «Я весь твой», – потому что обыкновенно бывает тогда сам не свой.

38.

Смутные времена только тем отличаются от спокойных, что в последние говорят ложь, надеясь, что она сойдет за правду, а в первые говорят правду, надеясь, что ее примут за ложь: разница только в объекте вменяемости.

39.

Каждый женский возраст приносит свою жертву любви: у девочки это губы, у девушки еще и сердце, у молодой женщины еще и тело, у пожилой еще и здравый рассудок, так что жизнь женщины есть геометрическая прогрессия самопожертвования на алтарь любви; перед смертью у ней не остается ничего.

40.

Есть два рода болтунов: одни говорят слишком много, чтобы ничего не сказать, другие тоже говорят слишком много, но потому, что не знают, что сказать. Одни говорят, чтобы скрыть, что они думают, другие – чтобы скрыть, что они ничего не думают.

41.

У женщин развито эстетическое самолюбие, которое часто бывает источником любви: они равнодушны к тому, кому доставляют наслаждение, если это замечают. На этом [основана] пословица: стерпится – слюбится.

42.

Есть два рода дураков: одни не понимают того, что обязаны понимать все; другие понимают то, чего не должен понимать никто.

43.

Говорят, что мужчины рождаются красивыми. Это предрассудок: красивыми мужчины делаются и делают их такими женщины.

44.

Метафора или поясняет мысль, или заменяет ее. В первом случае метафора – поэзия, во втором – риторика или красноречие: красноречие есть подделка и мысли и поэзии.

45.

Лицо должно отражать личность. Это отражение называется физиогномией. Есть люди, у которых лицо ничего не выражает, и есть люди с сильным выражением, хотя на них «лица нет». Потому можно сказать, что есть лица без физиогномий и есть физиогномии без лиц.

46.

Мужчина, идя на доброе дело, всегда сделает его хорошим, если, провожая, его поцелует любимая женщина.

47.

Женщина, влюбившаяся в мужчину, которому она не может принадлежать, должна сказать ему: «Для Вас я готова на преступление, но Вас я так люблю, что Вас не допущу до него». Мужчина в подобном случае должен говорить иначе:

«Для Вас я готов на все, потому что люблю Вас, и был бы готов на преступление, если бы меньше любил Вас».

48. Красивыми мужчинами женщины любят, умных обожают, в добрых влюбляются, смелых боятся, но выходят замуж охотно только за сильных.

49.

Самое умное в жизни – все-таки смерть, ибо только она исправляет все ошибки и глупости жизни.

50.

Высшая степень искусства говорить – умение молчать.

51.

У кого есть сердце, тот может сделать с женщиной все, что захочет, и дурное и хорошее. Беда только в том, что тот, у кого есть сердце, не захочет сделать с женщиной всего, что может, именно дурного.

52.

Люди думают умнее животных; но они были бы больше людьми, если бы жили так же глупо, как живут животные.

53.

Молодой человек любит женщину, мечтая, что она будет его женой. Старый человек любит свою жену, вспоминая, что она была женщиной.

54.

Самолюбивый человек тот, кто мнением других о себе дорожит больше, чем своим собственным. Итак, быть самлюбивым значит любить себя больше, чем других, и уважать других больше, чем себя.

55.

...

56.

Самый верный и едва ли не единственный способ стать счастливым – это вообразить себя таким.

57.

Чтобы сделать Петра великим, его делают небывалым и невероятным. Между тем надобно изобразить его самим собою, чтобы он сам собой стал велик.

58.

Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами.

59.

Уметь разборчиво писать – первое правило вежливости.

60.

Бедные люди могут иметь нравственные правила, но не должны иметь воли: первое спасает их от преступлений, второе – от несчастий.

61.

Мужчина слушает ушами, женщина – глазами, первый – чтобы понять, что ему говорят, вторая – чтобы понравиться тому, кто с ней говорит.

62.

Есть люди, вся заслуга которых та, что они ничего не делают.

63.

Мужчины всего более дорожат в женщинах их склонностью дешево продаваться.

64.

Труд ценится дорого, когда дешевеет капитал. Ум ценится дорого, когда дешевеет сила.

65.

Острик – не разбойник и разбойник – не острик: первый острит, но не режет, последний только режет и редко острит.

66.

Есть люди, быть другом которых значит быть их жертвой, они возможны только потому, что есть люди, которые в дружбе видят только обязанность приносить жертвы друзьям.

67.

Каприз – половая категория дамского мышления, не замеченная Кантом.

68.

Различие между храбрым и трусом в том, что первый, сознавая опасность, не чувствует страха, а второй чувствует страх, не сознавая опасности.

69.

Лучший воспитатель – голод: он быстро распознает то, с чего надо начинать воспитание – стоит ли воспитывать питомца.

70.

У нас сословное разделение труда действовало и в развитии искусства: поэзия развивалась дворянством, театр – купцами, красноречие – духовенством, живопись – крепостными художниками и палеховскими икономазами.

71.

Смотря на вещи свысока, с высших точек зрения, мы видим только геометрические очертания вещей и не замечаем самих вещей.

72.

Поэзия разлита в обществе, как кислород в воздухе, и мы не чувствуем ее только потому, что ежеминутно ею живем, как не ощущаем кислорода потому, что ежеминутно им дышим.

73.

Вернейшее средство исправить женщину – показать ей идеал и сказать, что это ее портрет. Из ревности ей захочется стать его оригиналом и непременно удастся сделаться его сносной копией.

74.

Очень ясно излагают свои мысли о сущности вещей, но в этом изложении ясны только мысли, а не сущность вещей. Понимать свои мысли о предмете не значит понимать предмет.

75.

Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла.

76.

Играя других, актеры отвыкают быть самими собой.

77.

Иногда необходимо нарушать правило, чтобы спасти его силу.

78.

Люди самолюбивые любят власть, люди честолюбивые – влияние, люди надменные ищут того и другого, люди размышляющие презирают и то и другое.

79.

Одиночество развило в нем привычку размышлять о самом себе, а это размышление вывело его из одиночества.

Размышляя о себе самом, он незаметно для себя стал разговаривать с самим собой и таким образом приобрел себе собеседника в самом себе. Он встретился с собой как с любопытным и приятным незнакомцем.

80.

При них был порядок не потому, что они его умели установить, а потому, что не сумели его разрушить.

81.

Повесе, чтобы соблазнить женщину, нужно больше тонкого понимания людей, чем Бисмарку, чтобы одурачить Европу.

82.

Большая разница между профессором и администратором, хотя она выражается только двумя буквами: задача первого – заставить себя слушать, задача второго – заставить себя слушаться.

83.

Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь.

84.

С честолюбием дельца, но со средствами одного самолюбия – выходит интриган.

85.

Искусство – суррогат жизни, потому искусство любят те, кому не удалась жизнь.

86.

Поставщики знания и потребители искусства и обратно – таково устройство нашего культурного хозяйства (оборота).

87.

Незамужние жены из запретного плода превращаются в контрабанду с фальшивой пломбой: их уже не скрывают, но говорят, что приобрели их согласно с действующим нравственным тарифом.

88.

Всего хуже сознавать себя дополнением собственной мебели.

89.

Чужой западноевропейский ум призван был нами, чтобы научить нас жить своим умом, но мы попытались заменить им свой ум.

90.

Религиозное чувство ставит руководителем жизни разумное Провидение. Рассудок – выраженный в цифрах слепой закон необходимости. Торжество рассудка заменит религию статистикой, верование – научной гипотезой.

91.

Детальное изучение отдельных органов отучает понимать жизнь всего организма.

92.

Истинную цену жизни знает лишь тот, кому приходилось умирать и удалось не умереть. Истинную цену счастья знает лишь тот, кто мечтал о счастье и испытал.

93.

Сладострастие есть не что иное, как властолюбивое самолюбие, разыгранное на женских прелестях.

94.

Счастлив тот, кому из всех женщин, которых он любил, наиболее зла наделала та, которая наименее этого хотела.

95.

Спорт становится любимым предметом размышления и скоро станет единственным методом мышления.

96.

Самолюбивая женщина из запачканных пеленок своего ребенка делает себе ризу Богородицы.

97.

Благодарность не есть право того, кого благодарят, а есть долг того, кто благодарит; требовать благодарности – глупость; не быть благодарным – подлость.

98.

Желание нравиться – женская форма властолюбия, как желание удивлять, т. е. пугать, есть мужская форма той же страсти. Женщина отдается в плен тому, кем хочет повелевать; мужчина завоевывает ту, которая хочет холопствовать.

99.

Смерть – величайший математик, ибо безошибочно решает все задачи.

100.

П. – это каноническая скотина, которую ап[остолом] Павлом разрешено есть всем православным христианам.

«So lernt der Mensch erwerben
Nur in der Liebe Zucht die Kunst zu sterben»¹

Leopardi.

101.

Когда люди, желая ссоры, не ждут ее, она и не последует; когда они ждут ее, не желая, она случится непременно. 26 сент[ября 18]91 г.

102.

Дружба может обойтись без любви; любовь без дружбы – нет.

103.

Наше общество – случайное сборище сладеньких людей, живущих суточными новостями и минутными эстетическими впечатлениями.

104.

Жить значит быть любимым. Он жил или она жила – это значит только одно: его или ее много любили.

105.

Музыка – акустический состав, вызывающий в нас аппетит к жизни, как известные аптечные составы вызывают аппетит к еде.

106.

Счастье не в том, чтобы прожить благополучно, а в том, чтобы понять и почувствовать, в чем может оно состоять.

107.

Светские люди – это класс общественных трутней, откармливаемый рабочим людом сначала для потехи, а потом на убой.

108.

В истории мы узнаем больше фактов и меньше понимаем смысл явлений.

¹ «Лишь в школе любви завоевывает человек искусство умирать» (нем.).

109.

В мужчину, которого любят все женщины, не влюбится ни одна из них.

110.

Кто не любит просить, тот не любит обязываться, т. е. боится быть благодарным.

111.

Мужчина видит в любой женщине то, что хочет из нее сделать, и обыкновенно делает из нее то, чем она не хочет быть.

112.

Люди живут идолопоклонством перед идеалами, и, когда недостает идеалов, они идеализируют идолов.

113.

В России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей. Гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров. Первые бесполезны, потому что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много.

114.

Характер – власть над самим собой, талант – власть над другими. Бесхарактерные таланты и бездарные характеры.

115.

Почему от священнослужителя требуют благочестия, когда врачу не вменяется в обязанность, леча других, самому быть здоровым?

116.

Здравый и здоровый человек лепит Венеру Милосскую из своей Акулины и не видит в Венере Милосской ничего более своей Акулины.

117.

Счастлив, кто может жену любить как любовницу, и несчастлив, кто любовнице позволяет любить себя как мужа.

118.

О добродетелях людей, особенно женщин, большей частью можно судить только по совокупности их пороков, потому что добродетелью обыкновенно считают люди, особенно женщины, только отсутствие соответствующего порока.

119.

Существующий порядок, пока он существует, не есть лучший из многих возможных, а единственно возможный из многих лучших. Не то, что он лучший из мыслимых, сделало его возможным, а то, что он оказался возможным, делает его лучшим из мыслимых.

120.

Некоторые женщины умнее других дур только тем, что сознают свою глупость. Разница между теми и другими только в том, что одни считают себя умными, оставаясь глупыми; другие признают себя глупыми, не становясь оттого умными.

121.

Дамы только тем и обнаруживают в себе присутствие ума, что часто сходят с него.

12 2.

Дружба обыкновенно служит переходом от простого знакомства к вражде.

123.

У артистов от постоянного прикосновения к искусству притупляется и вытирается эстетическое чувство, заменяясь эстетическим глазомером, как у виноторговца-эксперта аппетит к вину заменяется вкусом в вине.

124.

Есть два рода нерешительных людей: одни нерешительны, потому что не могут сообразить никакого решения, другие – потому, что зараз соображают несколько решений. Первые нерешительны, потому что глупы, вторые кажутся глупыми, потому что нерешительны.

12 5.

Есть два рода любви к ближнему. Если мы любим самое наше чувство любви к другому, это – любовь. Если мы любим любовь другого к нам, это – дружба. Любовь разрушается взаимностью, а дружба ею питается.

12 6.

Наше сочувствие религиозной старине не нравственное, а только художественное: мы только любим ее чувствами, не разделяя их, как сладострастные старики любят молоденькими девицами, не будучи в состоянии любить их.

127.

Было бы сердце, а печали найдутся.

12 8.

Размышляющий человек должен бояться только самого себя, потому что должен быть единственным и беспощадным судьей самого себя.

12 9.

Кто смеется, тот не злится, потому что смеяться значит прощать.

130.

Кто имеет друзей, которые ненавидят друг друга, тот заслуживает их общей ненависти.

131.

Ум гибнет от противоречий, а сердце ими питается. Под холодной веселостью часто скрывается теплая грусть, как альпийский лед прикрывает нежный подснежник. Можно ненавидеть человека, как подлеца, а можно умереть за него, как за ближнего.

13 2.

Молодая девица, желающая выйти замуж за пожилого мужчину, должна написать ему следующее письмо со вложением дружбы: «Я не могу быть ни Вашей любовницей, ни Вашей женой; любовницей – потому что я Вас слишком люблю, женой – потому что недостойна Вашей любви».

133.

Какая разница между женой и любовницей? Любовниц мы любим по инстинкту, жены нас любят по апостолу. Следовательно, для гармонии жизни надобно иметь и жену и любовницу: незаслуженной любовью нелюбимых жен мы мстим коварным любовницам, а самоотверженной любовью к нелюбящим любовницам мы подаем добрый пример нашим обманываемым женам.

134.

Чувствительность есть подделка чувства, как диалектика есть подделка логики.

[135].

Хотеть быть чем-то другим, а не самим собой значит хотеть стать ничем.

Записная книжка

[1890-е годы]

Июнь 1892.

1.

Ввести в обзор источников археологические и другие вспомогательные сведения.

2.

Прогресс мысли в том, что достигнутую цель она превращает в средство для дальнейшей цели; прогресс чувства в том, что удачное средство оно делает целью, новой целью, забывая о первоначальной цели или тяготясь ей, как неизбежным следствием. 4 июля. Брыково.

3.

Предмет истории – то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неконченный процесс, как вечный закон. Изучая дедов, узнаем внуков, т. е., изучая предков, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу.

4.

В преданиях и усадьбах старых русских бар встретим следы приспособлений комфорта и развлечения, но не хозяйства и культуры; из них можно составить музей праздного баловства, но не землевладения и сельского управления. [...]

9.

Схема истории холопства в России. Военное или экономическое насилие превратилось в юридический институт, который посредством продолжительной практики превратился в привычку, а она по отмене института осталась в нравах, как нравственная болезнь. 19 июля. [...]

23.

Современный трезвый и благоразумный человек видит только нескладницу житейских отношений, не видя в них внутреннего смысла, и, не думая об их исправлении, старается только направить их в свою пользу. Личный эгоизм – единственная гармония жизни для него. В жизни он видит только прорехи и щели, не штопая их мечтами, не замазывая их донкихотскими порывами, и спокойно плюет в них, когда нельзя в них просунуть пальца для благоприобретения чужой вещи без взлома.

24.

Честолюбцы фантазии и натуги; первые – сами себя догоняющие, вторые – сами от себя отстающие. Оба поставят себя на высокий пьедестал и потом карабкаются, чтобы подняться до своего призрака.

25.

Раскол. Два момента надо различать в его происхождении: нравственно-психологический – переворот в каждом отдельном раскольнике, откалывавшемся от церкви, и церковно-канонический – образование церковного сектантского общества из отколовшихся. С условиями государственной и народной гражданской жизни связан наиболее первый.

26.

Екатерина своей популярностью обязана ужасам времени Анны.

27.

Обряд – религиозный пепел: это нагар на вере, образующийся от постепенного охлаждения религиозного чувства; но он и охраняет остаток религиозного жара от внешнего холода

жизни. Обряд – действие, вызываемое чувством; становясь привычным, оно может и заменять утомленное чувство, может и подогревать чувство, готовое погаснуть. В пепле долго держится часть тепла от горения, его образовавшего.

28.

Науку часто смешивают с знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и сознание, т. е. умение пользоваться знанием как следует. [...]

Современная интеллигентная барышня – пушка, которая заряжается в гимназическом классе, а разряжается в университетской клинике душевнобольных.

Жены – инспектрисы мужей; только одни инспектируют их сердца, другие – их карманы, а третьи, самые разумные, – их рты.

Люди напряженно преследуют свои интересы, но книг не читают. Почему? Книги ли так неинтересны, или интересы так некнижны?

Декадентство – это искусство, утратившее эстетическое чутье, но сохранившее свою технику. Это творчество без идеала, как толстовщина – религия без Бога.

У В. Г[ерь?]е сделочная, нотариальная совесть.

Ветряные мельницы: вечно машут крыльями, но никогда не летают.

Самый непобедимый человек – это тот, кому не страшно быть глупым.

Современная мысль до того изогнулась и извертелась, что стала похожа на старую балетную плюсу, которая, приподняв подол, еще может выделять замысловатые и непристойные фигуры, но ходить прямо, твердо и просто уже не в состоянии.

Современная патологическая психология стремится глупость сделать умной, а подлость невменяемой.

Ум современного молодого человека рано изнашивается усвоением чужих мыслей и теряет способность к самостоятельности и самостоятельности.

Робкий, но не трусливый.

Театральный зритель есть человек, купивший себе в кассе право требовать, чтобы его одурачили, заставили мираж принять за действительность.

Современная философия есть дело разума, освободившегося от власти здравого рассудка и поработившегося микроскопу.

Доброта иных происходит только от утомления злом.

Пошлость самодовольная, влюбленная в самое себя.

Самая стыдливая совесть не стыдилась ей изменять.

Каждый из нас живет только для того, чтобы получить право умереть.

Эстетич[еское] остервенение современной публики, соединенное с умственным отуплением и нравственным расслаблением.

Дух[овно] – учебные заведения – не столько школы, сколько богадельни учащихся и учащихся, призреваемых там под предлогом науки: там больше богохульствуют, чем богословствуют.

Декаденты в интеллигенции – то же, что в гастрономии люди, испортившие себе пищеварение, но сохранившие аппетит.

Он так изолгался, что не верит сам себе даже тогда, когда г[ово]рит правду.

Кого он не предаст, когда ежеминутно предаст самого себя: это самоиуда.

Служебное жалование превращается в государственную милостыню голодающим.

Успехи критич[еского] чутья в избалованной талантами массе и ослабление творчества (сами ничего не могут создать).

Русск[ая] интеллигенция скоро почувствует себя в положении продавщицы конфет голодным людям.

Молодость без молодых впечатлений; онанизированные преждевременными, непонятными им идеями, эти народные борцы потом станут заскоруждыми аферистами или казнокрадами.

Истина проводится в наше сознание подобно запретным заграничным товарам контрабандой, под ярлыком лжи или шутки; зато под видом заграничной истины мы беспошлинно получаем от своих поставщиков-производителей чистую ложь или озорство совершенно домашнего кустарного изделия. 1 янв[аря] 1898.

Умный тем отличается от дурака, что когда оба разозлятся, умный становится дураком, а дурак умным.

Маленькие люди с большими притязаниями, с маленькими средствами, желающие делать большие дела.

Животное по инстинкту, не имея разума, поступает разумно; человек, пользуясь разумом, умеет поступать неразумно вопреки инстинкту.

Всего больше платимся мы за то, что не умеем быть вовремя умны. Потому глупость самая дорогая роскошь, которую могут позволять себе только богатые люди и которая только им прощительна. Как дорого платятся народы за глупость, что не умеют ни управлять собой, ни жить мирно друг с другом?

Кто не способен работать по 16 ч[асов] в сутки, тот не имел права родиться и д[олжен] быть устранен из жизни, как узурпатор бытия.

Гордый или самолюбивый человек и историк – не совместимые в одном лице понятия: это музыкант без слуха, мыслитель без головы, Бартенев без «Р[усского] архива».

Наше будущее тяжелее нашего прошлого и пустее настоящего.

Есть люди, которые становятся скотами, как только начинают обращаться с ними, как с людьми.

Популярное искусство ценно не по пользе, которую оно приносит, а по вреду, от которого спасает, доставляя менее грубое развлечение.

Современные франц[узские] писатели более обязаны своими успехами языку, на котором пишут, чем язык им.

Русский ум всего ярче сказывается в глупостях.

Позитивизм, дарвинизм, альтруизм – все научные воззрения и методы знания, переходя в образованную публику, становятся модными покроями мысли – не больше.

Культурные нищие, одевающиеся в обноски и обрывки чужой мысли; растерявшись в своих мелких ежедневных делишках, они побираются слухами, сплетнями, анекдотами, словцами, чтобы сохранить физиономию интеллигентов, стоящих в курсе высших интересов своего времени.

Дурак, одураченный собственным остроумием. Дм. и К-ш.

Она стала умна прежде, чем перестала быть дурочкой.

Чем больше Вы живете, тем становитесь моложе.

Чтобы быть полезным людям, нужно ничем не пользоваться от них.

Вы выше нас всех: Вы один понимаете, что говорите.

Молодежь, что бабочки: летят на свет и попадают на огонь.

Преисполнен собственной пустоты.

У большинства правила заменяются привычками.

Казеннокоштные золоторотцы р[усского] просвещения.

Необыкновенно животный человек.

Свое паршивое тело они прикрывают кисеей, переделанной из кожи, содранной с народного здорового тела.

Под его злостью чутся горе, как у больного под желчью кроется кровь.

Дрянные вешалки для великих исторических званий.

От его научных понятий пахнет учебником Ил[овайского], а от нравств[енных] убеждений – сельским кабачком.

В 60 м[инут?] въезда он вырос больше, чем со дня своего рождения.

Всякий дурной поступок носит в себе кнут для спины своего виновника.

Есть умы без воли, как есть воли без ума.

Люди образованные из народа обыкновенно сохраняют его дурные свойства и перестают понимать хорошее.

Всякий счастлив в меру своей способности к счастью и своей потребности в счастье.

У хорошего доктора лекарство не в аптеке, а в его собств[енной] голове (не на углу улиц).

Р[усская] интеллигенция – листья, оторвавшиеся от своего дерева: они могут пожалеть о своем дереве, но дерево не пожалеет о них, потому что вырастит другие листья.

Я Вас гораздо больше бы любил, если бы Вы меня немножко меньше ненавидели, но и презирал бы Вас даже и тогда, когда бы Вы меня уважали. (Соврем[енный] муж жене в интимной беседе.)

Высшее наслаждение мужчины – заставить женщину наслаждаться не им, а самой собой; но женщина любит только мужчину, который заставляет ее наслаждаться им, а не самой собой. [...]

Полудевицы и живут получувствами, полумыслями, полужизнью, т. е. девальвируют себя на половину цены.

Искусственное, художественное горе отучает от понимания действительного, как театральные слезы отучают от житейских.

Есть люди, которых каждый день выдаешь, а не заметишь, есть ли у них борода и усы.

Кулаки-бабы берегут свое сердце, как деньги, забывая, что последние существуют для того, чтобы их тратить, а первое – чтобы отдавать.

Христы редко являются, как кометы, но Иуды не переводятся, как комары.

Либералы – игроки на глупость, как консерваторы – игроки на трусость.

Женская любовь – дар, который получает цену только когда перестает быть подарком.

Из борьбы личных интересов вырабатывается не лучший из возможных, а возможнейший из лучших порядков.

У него ум на конце его языка и потому никогда не бывает на своем месте. Вот почему говоруны не бывают умными. Оттого язык его не становится умным, а только ум перестает б[ыть] острым.

Люди, умеющие открыть рот, но не закрыть его.

Среднему статистическому пошлому человеку не нужна, даже тяжела религия. Она нужна только очень маленьким и очень большим людям: первых она поднимает, а вторых поддерживает на их высоте. Средние пошлые люди не нуждаются ни в подъеме, потому что им лень подниматься, ни в опоре, потому что им некуда падать.

Это обледеневший огонь.

Религия для нас – не потребность духа, а воспоминание или привычка молодости.

Есть люди, которые умеют говорить, но не умеют ничего сказать. Это ветряные мельницы, которые вечно машут крыльями, но никогда не летают.

Давайте отвыкнем от дурных слов и приобретем хорошие привычки.

Бездарные люди – обыкновенно самые требовательные критики; не будучи в состоянии сделать простейшее из возможного и не зная, что как делается, они требуют от других совсем невозможного.

Она в каждом мужчине ищет мужа, потому что в муже не нашла мужчины.

На что им либерализм? Они из него не могут сделать никакого употребления, кроме злоупотребления.

Я слишком стар, чтобы стареть: стареют только молодые.

Русский культурный человек – дурак, набитый отбросами чужого мышления (чужим умом).

Можно благоговеть перед людьми, веровавшими в Россию, но не перед предметом их верования.

Глг-ва – фарфоровая кукла, холодная, как фарфор, и противная, как кукла.

Научная проблема[ти]ка, что порядочная дама: чем скромнее и почтительнее подойдешь к ней, тем скорее она позволит понять себя.

Кто очень любит себя, того не любят другие, потому что из деликатности не хотят быть его соперниками.

Часто нужно не знать своего положения, чтобы быть в состоянии поправить его.

Русский студент – вечное жвачное животное, которое в университете жует литографированную бумагу, а потом на службе – бумагу кредитную – и тем сыт бывает.

Наблюдать людей значит презирать их, т. е. лишать себя возможности понимать их; чтобы понимать их, надобно жить с ними, презирая их образ жизни, а не их самих.

Соврем[енный] образ[ованный] человек полон своей собственной пустоты.

При крепостном праве мы были холопами чужой воли; получив волю размышлять, мы стали холопами чужой мысли.

К. – переимчивая сорока, которая может затвердить всякого Якова.

Мысли и чувства женщин лучше их самих: подслушивать их гораздо опрятнее, чем их подсматривать.

Женщина, соблазняющая мужчину, гор[аздо] менее виновата, чем мужчина, соблазняющий женщину, потому что ей труднее стать порочной, чем ему остаться добродетельным.

Мы всегда размышляем не своими мыслями, а пережевыванием чужих.

Смелы в мышлении и трусы в действии.

Казуистика дурна не сама по себе, а тем, что не умеет быть самой собой, предвидеть все случаи.

Мы больше воображаем, чем знаем положение дел, и потому больше пугаемся, чем предвидим свои опасности.

Мы размышляем, как управляемся. Самовластие из политического порядка стало методом нашего мышления. Произвол переселился из Свода [законов] в наш мозг.

Иванов – старинная пожарная трещотка – будит не мысль, а только тревожит нервы.

Под старость глаза перемещаются со лба на затылок: начинаешь смотреть назад и ничего не видеть впереди, т. е. живешь воспоминаниями, а не надеждами.

Русские цари – мертвецы в живой обстановке.

Самый веселый смех – это смеяться над теми, кто смеется над тобой.

Чтобы согреть Россию, они готовы сжечь ее.

Злой дурак злится на других за собственную глупость.

Мудрено пишут только о том, чего не понимают.

Люди, которые легко говорят, обыкновенно трудно понимают.

Знать свое положение гораздо легче, чем сознавать его, а понимать еще труднее.

Живой человек: когда ему 40 лет, все дают ему 60, а когда пойдет 60, все дают только 40.

Великосветский партер XVIII в. так любил сцену, что охотно перепрыгнул бы через рампу, чтобы занять место на сцене, а сцену посадить на свое место.

Публичные девки публицистики.

Русский мыслящий человек мыслит, как русский царь правит; последний при каждом столкновении с неприятным законом говорит: «Я выше закона» и отвергает старый закон, не улаживая столкновения. Русский мыслящий человек при встрече с вопросом, не поддающимся его привычным воззрениям, но возбуждаемый логикой, здравым смыслом, говорит: «Я выше

логики» и отвергает самый вопрос, не разрешая его. Произволу власти соответствует произвол мысли.

Инерция – энергия без действия.

Под свободой совести обыкновенно разумеется свобода от совести.

Логика жизни: из либеральных девиц выходят дамы вольного поведения.

Сопливо – добрых гражданских чувств профессор и торговец.

Он стал дураком только потому, что хотел быть умным.

Она производит впечатление г. с-го, попавшего в сахарницу: и им неловко и ей стыдно.

Одни вечно больны только потому, что очень заботятся быть здоровы[ми], а другие здоровы только потому, что не боятся быть больными.

Очевидно, Вы по моей душе учились грамоте, потому что читаете мою душу, как свою старую истрепанную азбуку.

Газета приучает читателя размышлять о том, чего он не знает, и знать то, что не понимает.

Иногда человеку не дают покоя только потому, что желают успокоить его.

Адвокат – трупный червь: он живет чужой юридической смертью. На основании закона так же легко убивают человека, как и по позыву произвола. Только в последнем случае поступок сознается как преступление, а в первом – как практика права.

Дарвинизированные умы, прогнившие от полового подбора.

В самом ли деле он такой дурак, как кажется, или это только так кажется, что он такой дурак?

Образование дает русскому человеку только вкусовую энергию – способность смаковать жизнь, а не создавать ее.

Прежде их соединял хотя [бы] пол, а теперь только потолок.

Чтобы образумились дети, должны умереть с голоду отцы.

Чтобы уметь быть злым, надобно выучиться быть добрым: иначе будешь просто гадким.

Он стал думать о мышлении с тех пор, как перестал мыслить.

Механическая любовь.

Заспанные свои мысли принимают за открытия.

Не начинайте дела, конец которого не в Ваших руках.

Далай-лама и конституционные короли: вся их деятельность в том, чтобы быть и ничего не делать.

Я очень ценю «Р[усские] в[е]домости» с методолог[ической] стороны: они доказывают, как выгодно издавать газету при самых скудных умствен[ных] и нравств[енных] средствах.

Дарвинизированные умы.

Пора иметь право располагать самим собой, самого себя заработать.

С[амодержавие] нужно нам пока как стихийная сила, которая своей стихийностью может сдерживать другие стихийные силы, еще худшие.

Ваше общество слишком трудно для меня: Вас окружают лица, одним из которых я не могу быть.

Кто не любит женщины, тот не понимает Бога, потому что Бог написал себя на душе женщины, а его писание можно читать только сердцем.

Талант, что мозоль на ноге: банщик срежет ее, а деятельность ноги восстановит.

Вместо любви к солдату они (альтруисты) проповедуют любовь к казарме.

Студенческие кокотки, привлекающие слушателей легкостью мысли и соблазнительностью тем.

Некоторых профессоров любят слушать только потому, что слышат от них свои собственные слова.

Буйловые умы, которые прут по прямой линии, но без цели, не умея своротить в сторону ни перед ямой, ни даже перед физическим законом.

Многие трусливы только потому, что боятся не смерти, а опасности.

Адрес писан для профессоров на бумаге Говарда, а профессора, чтобы увековечить, с помощью студентов литографировали его на коже автора. Это выходит пергамен.

Немного шаловливая мысль, которая любит поиграть чёртом, но никогда не забывает Бога.

Старость для человека, что пыль для платья – выводит наружу все пятна характера.

Мы гораздо более научаемся истории, наблюдая настоящее, чем поняли настоящее, изучая историю. Следовало бы наоборот.

Враги – это банщики. Своей злобой против Вас они смывают Вашу, а не свою грязь.

Верует духовенство в Бога? Оно не понимает этого вопроса, потому что оно служит Богу.

Разница между консерваторами и либералами: у первых слова хуже мыслей, у вторых мысли хуже слов, т. е. первые не хотят хорошенько сказать, что думают, а вторые не умеют понять, что говорят.

Музыка для черствого сердца – то же, что касторовое масло для засорившегося желудка.

Капризные выходки озорной мысли – не оригинальные идеи логического мышления.

Жалоба, что нас люди не понимают, всего чаще происходит оттого, что мы не понимаем людей.

У него под руками рояль не играет, а размышляет вслух и размышляет свои лучшие мысли.

Крашенные русские куклы западной цивилизации.

У нас политические партии – не порядки убеждений или образы мыслей, а возрасты или экономические положения.

У женщины сердце умнее ее ума: потому-то она чувствует умно и размышляет глупо.

Тяжелое дело писать легко, но тяжело писать легкое дело.

И москаль, и хохол хитрые люди, и хитрость обоих выражается в притворстве. Но тот и другой притворяются по-своему: первый любит притворяться дураком, а второй умным.

Земство и самоуправление: никто не учит людей плавать на луже, по которой воробьи пешком ходят.

Наша неуравновешенность и неустойчивость от излишней вескости головы, т. е. от слишком высоко помещенного центра тяжести (возвышенность чувств и мыслей, высоко держим головы).

В России центр на периферии.

У них мысль не ведет за собой их слов, а с трудом догоняет их.

Что хуже или что лучше – мало судей и много законов или наоборот, как было в Древней Руси.

Древний Восток искал Бога в своем воображении, чтобы отвязаться от черта в природе. Новый З[апад] продолжил эти поиски и нашел черта в своем воображении, чтобы отвязаться от Бога в природе.

У животных нет нашего дара слова, но есть свой язык для выражения мыслей. Лексикон есть, нет нашей грамма[ти]ки.

Когда кошка хочет поймать мышку, она притворяется мышкой.

Высшая задача таланта – своим произведением дать людям понять смысл и цену жизни.

Люди, умеющие открыть рот, но не умеющие закрыть его.

Благотворительность больше родит потребностей, чем устраняет нужд.

Кадетский либерализм.

Самая живая мысльдохнет, попав под их перо.

Кисельно-молочный социализм Ч-ва.

Люди с неблагополучными мышлениями.

Они – философы – всматривались в глубину житейского моря, чтобы в ней разглядеть истину, и, конечно, видели там только свои собственные физиономии.

Наша история идет по нашему календарю: в каждый век отстаем от мира на сутки.

На З[ападе] и чувства устанавливаются законодательным путем (признание смерти кард[инала] Гонзалеса национальным горем в Испан[ской] палате 20 н[оя]бря 1894 [г.]).

Кроты – кроткие!

На З[ападе] Церковь без Бога, в России Бог без Церкви.

Эгоисты всех больше жалуются на эгоизм других, потому что всего больше от него страдают.

У иных поступки лучше их намерений, потому что их инстинкты умнее их ума.

Люди ищут себя везде, только не в себе самих.

В молодости можешь уснуть, когда и не хочется спать, а в старости и хочется спать, да не можешь уснуть. Так и с прочими инстинктами.

Не человек живой, а только сгущенный призрак человека.

Не человек, а комок злости.

Мыслят так быстро, что не успевают подметать своих мыслей.

Игра в свои собственные конституционные мечты – политический онанизм.

Эмпиризм в раздумье: не отрицаясь от себя, начинает сомневаться в себе и чувствует потребность проверить себя. Он хочет знать куда идет и осветить свой путь; поэтому камни преткновения для своей мысли он увидит раньше чем на них оступится. Это большой успех и ценный залог дальнейших успехов: авось он перестанет проверять свой глаз его собственными ошибками, т. е. опыт опытом. Он хочет знать и признает только то, что стоит перед глазами; но и миражи в пустыне тоже стоят перед глазами.

Чтобы видеть неправильность действительной геометрической фигуры, надо набросить на нее абстрактную правильную.

Историк – наблюдатель, не следователь.

Сомневаюсь не в ученой добросовестности, а в ученом самообладании З-на.

Я влюбилась бы в Вас, если б меньше Вас любила. Женщинам надо внушать ненависть к себе, чтобы добиться их любви. Мы запоздалые Печорин и княжна М[эри].

П. и К° – жвачные умы 60-х годов, пережевывающие случайно попавшую в рот либеральную жвачку, уже утратившую всякую питательность. Раз усвоенный образ мыслей из убеждения ума превратился в дурную привычку мозга.

Ученые издатели – половые науки, которые не варят и не кушают, а только подают кушанье.

Толстой, как большинство романистов с талантом, хороший художественный прибор, а вовсе не художник. Творчества в нем не больше, чем в луже, отражающей лунный вечер, только грязи значительно больше.

Начитанные и надорванные либеральные дураки, производящие впечатление умных только на таких же надорванных, но не столь начитанных дураков. Недовольны всем настоящим, а прошлое ругают за то, что не похоже на настоящее. Сантиментально-озлобленные бурсаки киево-могилевского покроя.

Разница между духовенством и другими русск[ими] сословиями: здесь много пьяниц, там мало трезвых.

Ничего мудреного не сделают, но все простое сделают мудрено.

Чтобы быть ясным, оратор должен быть откровенным.

Где нет тропы, надо часто оглядываться назад, чтобы прямо идти вперед.

Простейший способ не нуждаться в деньгах – не получать больше, чем нужно, а проживать меньше, чем можно.

Твердость убеждений – чаще инерция мысли, чем последовательность мышления.

Мы часто сердимся на предков за то, что они на нас не похожи, вместо того, чтобы радоваться, что мы на них не похожи (ушли от них вперед).

Прежде психологией называлась наука о душе человеческой, а теперь это наука об ее отсутствии.

Одна нигилистка, случайно уверовавшая в Бога, признавалась, что она ни за что не согласилась бы быть безбожницей, если бы знала, как приятно верить.

Когда двое тонут, надо спасать четверых, потому что в каждом погибающем сидит еще сумасшедший.

Остроумие в мышлении – то же, что пряность в питании: она делает вкусной пищу, но портит и вкус, и пищеварение.

Пессимизм, что тошнота, которая происходит от трех причин: 1) от объедения, 2) голода и 3) беременности.

Когда нам плохо, плохое утешение думать, что другим еще хуже.

В других обществах всякий живет, работая и частью проживая, частью наживая; в русском одни только наживаются, другие проживаются и никто не живет и не работает.

Государству служат худшие люди, а лучшие – только худшими своими свойствами.

Откровенность – вовсе не доверчивость, а только дурная привычка размышлять вслух, т. е. в присутствии чужих ушей, потому что сами себя не слушают (говорить во сне).

Их готовят в мадамы Рекамье, а из них выходят трактирные кариатиды (классицизм дамский).

Делай, что я говорю, но не говори, что я делаю, – исправленное иезуитство. Толст[ой].

Причина неодинаковой оплаты занятий. Одни дела могут делать все, но не всякий хочет; другие хотят все, но не всякий может.

Истина, что свет: ее самое не видно, но все предметы видны и понятны, лишь насколько обладают ее светом (в ее свете).

Вырождение принадлежит, как и внушение, к числу слов, которые не выражают мыслей, а заменяют их.

Скучен театр, когда на сцене видишь не людей, а актеров.

Недостаток теперешнего обтянутого дамского костюма тот, что он не столько прикрывает то, что есть, сколько обнаруживает то, чего нет.

Это люди, с которыми расставаясь, жалеешь, что с ними виделся.

Дарьяльское ущелье – горная проповедь своего рода, в которой говорят камни.

Сидят на штыках, покрыв их газетой.

Женщина опасна не когда нападает, а когда падает.

Истинная цель дела благотворительности не в том, чтобы благотворить, а чтобы некому было благотворить.

Худшая посадка между двух стульев – очутиться между своими притязаниями и способностями, казаться слишком великим для малых дел и оказаться слишком малым для великих.

Думать не о том, что делаешь, совсем не то же, что делать не то, что думаешь. Обман и то и другое, но в первом случае обманываешь себя самого, во втором других.

Большинство соврем[енных] браков м[ожно] признать если не счастливыми, то сытными: он а в нем приобретает кусок хлеба, он в ней – кусок мяса. Едят друг друга.

Вспомнив былое, вдруг иногда как будто почувешь запах юности.

Инстинкт – двигатель без сознания, но с участием воли; автомат – двигатель без воли и в механике без сознания.

Фанатизм во имя порядка готов внести анархию.

Право по самому существу есть софистика, ибо есть борьба с инстинктом, т. е. природой, и его слугой – здравым смыслом.

Впредь будут воевать не армии, а учебники химии и лаборатории, а армии будут нужны только для того, чтобы было кого убивать по законам химии снарядами лабораторий.

Мужчина занимается женщиной, как химик своей лабораторией: он наблюдает в ней непонятные ему процессы, которые сам же производит.

Введение морали в политич[ескую] экономию – противоестественная помесь идеи долга с грошом: выходит ни мораль, ни полит[ическая] экономия, а не то морализирующий грош, не то грошовая мораль. Ублюдок ни в мать, ни в отца, а в сочинившего его ученого удалыца.

Женщина рождается по ошибке, выходит замуж по любви, родит по глупости, умнеет от родов, разводится по капризу на мужа и умирает с горя о детях.

Гораздо легче стать отцом, чем остаться им.

Выбирая себе жену, надо помнить, что выбираешь мать своим детям и как опекун своих детей должен позаботиться, чтобы жена по вкусу мужа была матерью по сердцу детям; чрез отца дети д[олжны] участвовать в выборе матери.

Наука изучает не истины, а только необходимости или потребности, из них вытекающие или ими внушаемые, как физика изучает силы природы, не понимая их источника, т. е. самой природы.

Есть мужчины, которые тем больше нравятся, чем лучше их понимаешь, и есть женщины, которых тем лучше понимаешь, чем больше они нравятся.

Судьба и провидение: на первую мы жалуемся, когда другие нас обижают, вторым оправдываемся, когда сами обижаем других.

Привычки отцов, и дурные и хорошие, превращаются в пороки детей.

Дамы всего менее понимают право как требование ума и необходимости, а они мыслят сердцем и только сердятся умом.

Часто встречаются люди, которые любят говорить о том, чего не понимают, как иные не чувствуют запаха того, что нюхают. Это очень жаль, хотя и очень просто; это значит, что есть люди, у которых язык длиннее их ума, как есть люди, у которых нос длиннее их обоняния.

Какая самая умная женщина? Та, которую хочется благодарить даже за отказ.

Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения.

Что труднее, стать порочным или перестать быть добродетельным? Думаю, что труднее первое, потому что сложнее: чтобы перестать быть добродетельным, не нужно быть порочным, а чтобы стать порочным, нужно наперед перестать быть добродетельным.

Многие только потому республиканцы, что нет царя в голове (природн[ые] р[еспубликан]цы рождаются без царя...).

Г[ерцог] Ларошфуко сказал, что притворство есть дань, платимая пороком добродетели. Совершенно верно. Потому-то добродетель так и любит притворство, как свой штатный доход по должности, и не может обойтись без порока, как своего крепостного кормильца.

Есть два рода непонимания. Одни еще не разглядели того, что есть в вещах, другие успели уже усмотреть и то, чего нет в них. Это последнее непонимание безнадежнее и неисправимее первого, потому что легче дополнять, чем переполнять, как легче дойти до цели, чем воротиться к ней (кто не стрелял и кто промахн[улся]).

У всякого возраста свои привилегии и свои неудобства. Привилегия стариков – хвалиться своим прошлым, т. е. своей ненужностью; неудобство – почет от молодежи, похожий на усиленную ласку хозяев к собравшимся уходить гостям.

А странный, не натуральный народ эти старики: они не рождаются, а только умирают и, однако, все не переводятся.

В жизни мало физики. Говорят: светлый голос. Почему же не сказать: звонкий взгляд? Иной так умеет взглянуть, что зазвенит в ушах.

Обыкновенно женятся на надеждах, выходят замуж за обещания. А так как исполнить свое обещание гораздо легче, чем оправдать чужие надежды, то чаще приходится встречать разочарованных мужей, чем обманутых жен.

Сердце женщины – *tabula rasa*,² белый лист бумаги: на нем никогда ничего не прочтешь, но многое напишешь, если умеешь писать на так[ом] материале.

Находят сходство между Мопассаном и Толст[ым]. Может быть, оно и есть, но есть и разница. Первый потерял свой ум, не зная, куда девать его; второй вечно ищет своего ума, забыв, куда девал его. Писатели, как родители, любят наделять свои детища свойствами, которых лишены сами. Оттого герои у Моп[ассана] всегда глупы, а у Т[олстого] – умны.

Романистов часто называют психологами. Но у них разные дела. Романист, изображая чужие души, рисует свою; психолог, наблюдая свою душу, думает, что он изучает чужие. Один похож на человека, который видит во сне самого себя, другой на человека, который подслушивает шум в чужих ушах.

Только в математике две половины составляют единицу, а в жизни совсем иначе: так, в семейной жизни две половины – целая пара, а в духовной из двух полоумных никогда не составить и одного умного.

В науке надо повторять уроки, чтобы хорошо помнить их; в морали надо хорошо помнить ошибки, чтобы не повторять их.

Прикрывая костюмом тело, женщина обнаруживает тем свою душу (придумывая, как прикрыть).

Кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая. Прямой путь – кратчайшее расстояние м[ежду] двумя неприятностями – в жизни.

Вся житейская наука женщины состоит из трех незнаний: сначала она не знает, как добыть жениха, потом – как быть с мужем, наконец – как сбыть детей.

Чем женщина меньше приносит мужу, тем больше требует от него, так что, чем меньше она стоит, тем дороже обходится.

12 дек[абря] 1893

Быть счастливым значит быть умным. Быть умным значит не спрашивать, на что нельзя ответить. Потому быть счастливым значит не желать того, чего нельзя получить.

Женщина перестает думать о том, чего сильно пожелает; мужчина перестает желать того, о чем хорошенько подумает. Поэтому когда оба думают вместе, бывает два ума и ни одной воли.

Чтобы иметь право жить, надобно приобрести готовность умереть (хоть раз показать готовн[ость]).

Благородное росс[ийское] дворянство разменяло свой сословный долг на долги госуд[арственному] банку.

Все эти формы и обряды хороши тем, что выше действительных чувств тех, кто их выполняет, и заставляют последних становиться выше себя.

Надобно не жаловаться на то, что мало умных людей, а благодарить Бога за то, что есть они.

Достойный человек не тот, у кого нет недостатков, а тот, у кого есть достоинства.

Законы тогда только устанавливали произвол, т. е. собственную ненужность.

Вера в жизнь посмертную – тяжкий налог на людей, которые не умеют дожить и до смерти, перестают жить прежде, чем успеют умереть.

Есть люди, у которых язык умнее их самих.

Как даровитые новички, мы ничего не умеем задумать, сами, без чужой указки, хотя, принявшись подражать, часто превосходим свои образцы.

² чистая доска (лат.).

Деньги лишние хороши не тем только, что дают возможность приобрести необходимое, но еще и тем, что избавляют от досады на невозможность приобрести лишнее.

Когда у мыслителей быстро вертится мысль, у не мыслящей публики кружится голова.

Торжество исторической критики – из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали.

История не учительница, а надзирательница, *magistra vitae*:³ она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков.

Некоторые думают, что стоит только обозвать всех дураками, чтобы прослыть умным.

Его глупость не в привычке болтать глупости, а в убеждении, что другие считают их умными вещами.

Утопающие при кораблекрушении бросаются с корабля в воду, чтобы не утонуть на корабле, и тонут в воде, а не на корабле.

Кто смотрит из света во враждебную тьму, не видит никого из своих врагов, но служит мишенью для всех них.

Крупный успех составляется из множества предусмотренных и обдуманых мелочей.

Две половины – в жизни брачная пара.

Наблюдение чужих пороков очень полезно для самоисправления: собственный порок становится особенно противен, когда увидишь его в другом и почувствуешь, как неприятно обладать тем, что сейчас осмеял, ибо мы любим осмеять всех и вся, кроме себя и своего.

Смотря на нын[ешних] женщин, сознаешь верность филос[офского] определения, что человек есть разумное животное; разумность не мешает им быть животными и даже помогает им становиться непохожими на людей и в том, в чем похожи на них животные.

Ф. Дм. говорил так много и скоро, что только на другой день успевал не то что обдумать, а только вспомнить сказанное вчера.

Природа – зеркало, т. е. отражающая пустота для того, кто в нее смотрится: он может видеть в ней только сам себя, свое внутреннее содержание.

На Зап[аде] каждая научная идея, каждое историческ[ое] впечатление при дрессировке ума и навыка превращается в убеждение, что в массе есть суеверие; причина – быстрое распространение, оборот идей.

С Ф. можно быть только в иронических отношениях.

Еф. – Из всех малоумных баб она наименее умная, потому что наименее *баба*.

Всем можно гордиться, даже отсутствием гордости, как от всего можно одуреть, даже от собственного ума.

Почему о н и такие пустые люди, хотя ведают такие важные интересы? Да от них не требуется ничего, никакого содержания, кроме их присутствия, факта, что они есть.

Хитрость не есть ум, а только усиленная работа инстинктов, вызванная отсутствием ума.

Богатые вредны не тем, что они богаты, а тем, что заставляют бедных чувствовать свою бедность. От уничтожения богатых бедные не сделаются богаче, но станут чувствовать себя менее бедными. Этот вопрос не пол[итической] экономии, а полицейского права, т. е. народной психологии.

В 1860-х г[одах] мыслили т[а]к торопливо, что не могли догнать собственных мыслей, и потому тех, кто не спешил, считали отсталыми.

Чтобы править людьми, нужно считать себя умнее всех, т. е. часть признавать больше целого, а так как это глупость, то править людьми могут только дураки.

Из всех толков о законности, о праве кр[естья]не и горожане вынесли только притязательное сознание своих прав.

³ наставница жизни (*лат.*).

Художник, что зеркало, которым дорожат только потому, что оно дает зрителям возможность любоваться самими собой.

Есть умные люди, которые дуреют от собственного ума, и есть дураки, которые умнеют от чужой глупости.

Художник знал, что делал, когда придавал оригиналу такое выражение; но оригинал не знал, что делал, когда принимал такое выражение.

Мужчина, любя женщину, старается быть ей нравственно полезным; женщина, отвечая на его любовь, желает быть ему эстетически приятной. Первый добро принимает за красоту, вторая красоту за добро: в этом половое различие нравственного понимания.

Шмоллер – не социалист, но ученики его – социалисты. Магомет – не магометанин, но магометане – все последователи Магомета.

Свой благородный дворянский долг р[одовитое] дворянство реализовало в поземельные банковые долги.

На дураков есть хоть одно средство – смех, а на дур, как на грех, и мастера нет.

Воображение на то и воображение, чтобы восполнять действительность.

Наука стремится все пороки объяснить болезнями, а моралисты все болезни производят от пороков. Скоро к удовольствию судей и врачей преступников будут лечить, а больных наказывать.

Сколько понадобилось человеку пролить слез и крови, чтобы в себе подобном признать своего ближнего.

Глупость терпят за простодушие, но не наоборот.

Люди, которые, не имея своего ума, умеют ценить чужой, часто поступают умнее умных, лишенных этого умения.

Указывают на любовь западников к иноземным словам. Наши западники все еще заучивают западные учебники слово в слово и не умеют передавать их своими словами. Для них западная культура все еще работа памяти, а не сознание.

Жизнь не в том, чтобы жить, а в том, чтобы чувствовать, что живешь.

Красивые женщины в старости бывают очень глупы только потому, что в молодости были очень красивы.

Многие умирают спокойно не потому, что думают о будущей жизни, а потому, что не умеют понять настоящую минуту: спокойствие здесь происходит не от силы веры, а от слабости размышления.

Особый вид помешательства – объяснять все глупости и мерзости сумасшествием. Помешанному все люди, кроме одного его, представляются сумасшедшими.

Не может быть самодержцем монарх, который не может сам держаться на своих ногах.

Портрет Спасовича – не портрет, а биография.

У этого художника очень хорошее сердце, но плохая кисть.

Его глаза имеют право быть тусклыми: они пролили столько света вокруг себя.

Умирают равнодушно не по силе веры в будущую жизнь, а по непониманию текущей минуты и по забвению прошедшего.

Кони – карьера.

Есть люди, которые хорошо говорят, но плохо разговаривают, потому что их мысли хуже их слов, а чувства хуже самих мыслей.

Страсти молодости из потребностей сердца или инстинкта в старости становятся дурными привычками воображения.

Благородство души они носили в себе не как нравственный долг всякого человека, а как дворянское право, пожалованное им грамотой имп[ератрицы] Екатерины II, и возмущались как анарх[ическим] захватом, когда замечали в мужике или разночинце поползновение разделить с ними эту сословную привилегию.

Снег падал на черную з[емлю] беленькими, чистенькими звездочками, точно девичьи мысли. (5 апреля [18]93 г.)

Справедливость – доблесть избранных натур, правдивость – долг каждого порядочного человека.

Сладкая болезнь только у горьких пьяниц.

Чем больше злобились на него враги, тем больше он любил людей.

Чтобы иметь влияние на людей, надо думать только о них, забывая себя, а не вспоминать о них, когда понадобится напомнить им о себе.

В городах потому мало веры, что среди шума от езды по каменной мостовой не слышно колокольного звона.

Многие боятся смерти не как прекращения жизни, а просто как неприятности, соединенной с физической болью.

Если женщины чувствительно говорят об уме, то мужчины обязаны умно говорить о чувствах, те и другие по-своему выражают отсутствие того, о чем говорят (чем болят).

Темперамент – возбуждаемость, сумма и степень ощущений и желаний; характер – сдержанность, степень самообладания.

Есть люди, в которых самые пороки милее и безвреднее, чем у иных добродетели.

Женщина начинает размышлять только, когда начинает говорить, а говорить начинает, когда начнет чувствовать; ее ум – бухгалтер ее языка, а язык – секретарь ее сердца.

Богачи из людей, которые добывают деньги, чтобы жить, превращаются в людей, которые живут, чтобы стеречь деньги, которых им некуда девать.

У него нос длиннее его обоняния.

Изысканность – дурного вкуса признак.

Разномыслие от чего: видят один предмет, но смотрят с разных сторон.

Петр I делал историю, но не понимал ее.

Это все герои, которых преждевременная смерть спасала от заслуженной виселицы.

Ученые диссертации, имеющие двух оппонентов и ни одного читателя.

Чистая филология производит впечатление человека, который, пустившись в путь, второпях забыл, куда и зачем он идет (специализ[ация] науки).

Поколение спит на краю бездны; жаль, что оно исчезнет, не дав урока преемникам, – сорвется и разобьется раньше, чем проснется.

Видимая рассеянность иногда происходит не от недостатка наблюдательности, а от избытка впечатлительности: не хотят замечать окружающего, чтобы сохранить веру и спокойствие.

Их прагматизм навыворот – признает следствие причиной только потому, что они узнали причину после следствия. Их мысли идут в обратном порядке с явлениями.

Он перестает понимать вещи, как только начнет о них размышлять.

Ваше дело творить без сознания, наше – понимать без творчества Ваши создания.

Ее отказ приятнее иного согласия.

Он умеет быть мил даже тогда, когда вынужден быть неприятным.

Красота хороша только, когда она сама себя не замечает, талант приятен, когда себя не сознает.

Мы для них пока еще только объект полицейского, не интеллектуального внимания.

Она сама – дрянь, но ее лицо – миссионер, что небеса: поведает славу Божию. Образ и п[одобие] Бога.

Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую.

Они и свои головы отыскивали по газетным объявлениям с обещанием приличного вознаграждения нашедшему.

Не все делаем, на что имеем право, ибо право не заменяет разума.

Смотря на них, как они веруют в Бога, так и хочется уверовать в чёрта.

Талант – искра Божия, которой человек обыкновенно сжигает себя, освещая этим собственным пожаром путь другим.

Деревянные души – их легче сжечь, чем согреть.

Им голова нужна только для того, чтобы было, где иметь рот.

+ Добрая память и злое сердце – он скоро забывает обиду, но злится и на забытые обиды.

На перевязочном пункте жертвы виднее, чем в боевой линии: там нужно больше человеколюбия, чем здесь. Здесь нужна воля, там сердце. Бецкий хотел сделать перевязочный пункт из русского образованного общества и сделал общество с сердцем, но без воли.

+ Мужчина, которого любит нелюбимая им женщина, обязан уважать ее; женщина, которую любит нелюбимый ею мужчина, должна пожалеть о нем; один своим уважением платит дань мировому порядку, другая своим сожалением выкупает свою ошибку.

+ В 50 лет необходимо иметь шляпу и два галстука, белый и черный: часто придется венчать и хоронить.

+ Когда не поймешь, добрый ли человек или злой, можно смело сказать, что он – несчастный.

+ Первый злейший враг красивой женщины – это ее зеркало, потом ее враги – ее уши: первый губит ее ум, вторые – ее сердце.

В логике мышления следствие рождается от своей причины; в логике чувствования следствие рождает свою причину: водку пьют как для того, чтобы прийти в веселое настроение, т[а]к и потому, что приходят в такое настроение.

+ Женщина по капризу избалованного чувства иногда влюбляется в того, кого не любит, но с кем хочет поиграть, как ребенок делает идола из своей куклы: это болванчики, на которых они примеривают свои чувства, чтобы самим полюбоваться ими.

Мы для того умаляем свое прошедшее, чтобы понять его, ибо его величие превышает силу нашего разумения. Луна.

Разложение славянофильства – пахнет от разлагателя.

Его ум – хорошо выученная книжка.

У них нет совестливости, но страшно много обидчивости: они не стыдятся пакостить, но не выносят упрека в пакости.

Люди и целые классы, вымирающие, но не сознающие своего вырождения, питают инстинктивную склонность к наукам, не столько научающим, как жить, сколько приучающим к мысли, что надо умирать (археология, метафизика). Это своего рода самозакапывание.

Цыгане известности – они известны только за границей, потому что у них нет отечества.

Народники так умно рассуждают об основах своей жизни, что кажется, то, на чем они сидят, умнее того, чем они рассуждают о том.

Бесцельным надо признать не только то, что не имеет цели, но и то, что хватает через цель.

Смешное положение сносно лишь как выход из трудного.

Лучше быть истор[ическим] Дон Кихотом, чем чистым, матем[атическим] дураком.

Им горячо жить – под их пятками горят заповеди.

Он потому так и блестит, что не живет, а горит.

Они т[а]к субъективно рассуждают о вещах и людях, как будто на свете лишь себя считали существующими, а другие люди и все вещи были только плодом их воображения.

Эти младенцы – дутые резин[овые] мячики, наполненные мыслью о себе самих, т. е. совершенно пустые (своей соб[ственной] внутренней) пустотой).

Куклы гниют, но не стареют.

Взрослый недоросль.

Я говорю красно, потому что мои слова пропитаны моей кровью.

Женщины умны только потому, что ни у кого не хватает наглости сказать им это (в виде комплимента).

Нельзя осуждать человека за то, что ему нравятся его мысли, как нельзя запретить человеку с удовольствием нюхать собств[енный] запах.

Из св[ятой] покровительницы ума и науки мы сделали повод говорить глупости.

Слова, которые не только говорят, но и звучат.

Духовная школа и мир. Она поняла бы мир, да не знает его и знать не хочет. Мир знает духовенство, да не понимает его, не видит, какой в нем толк. Одни – бестолковые Дон Кихоты, другие – догадливые Санчо Пансы. Школа эта воспитывает каких-то ученых пауков, которые ползают по собственной паутине в ожидании запутавшихся в ней мух или ветра, который сдует их ненужное плетение. Ведут себя жрецами исчезающей религии или храма, предназначенного к сломке, комическими анахронизмами, сознающими свое безвременье, но не решающимися в том сознаться. Академия – миссион[ер] семинарии.

А. У. – домашний чижик.

Он подкрадывается к публике, как кошка к мышке.

В чем драматизм Гамлета? Трудно действовать, как следует, но еще труднее воздерживаться от действия, которое не следует.

Профессор перед студентами – ученый, перед публикой – художник. Если он ученый, но не художник, читай только студентам; если он художник, но не профессор, читай, где хочешь, только не студентам.

Развивая мысль в речи, надо сперва схему ее вложить в ум слушателя, потом в наглядном сравнении предъявить ее воображению и, наконец, на мягкой лирич[еской] подкладке осторожно положить ее на слушающее сердце, и тогда слушатель – Ваш военнопленный и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послуш[ым] Ваш[им] клиентом.

В его лета будут ли они им?

Публика тяжело вздохнула, почувствовав, что кончилось напряжение, и пожалела, заметив, что вместе с тем прекратилось и наслаждение.

Что[бы] заставить дух работать всеми силами, надобно привести себя и тело в несколько болезненное состояние: раковина родит жемчужину от укола улитки (надобно уколоть себя, чтобы родить...).

Идеализация – один из способов эстетического и нравственного познания. Телескоп в астрономии: иные вещи надобно страшно преувеличить, чтобы вернее разглядеть.

Кабинетное мышление рядом с кухней, где оно подготавливается, без которой оно невозможно.

«Зачем Вам ум?» – «А затем, чтобы помнить, что об этом глупо спрашивать (чтоб этого вопроса не задавать Вам)».

У меня два личных врага, близких к моему лицу и не дающих мне покою: это мой нос, который постоянно болит, и мой язык, который постоянно говорит.

Несчастье русских в том, что у них прекрасные дочери, но дурные жены и матери; р[усские] женщины мастерицы влюбляться и нравиться, но не умеют ни любить, ни воспитывать.

На земле я так привык к аду, что на том свете меня можно наказать за грехи только раем. Значит, мое загробное будущее довольно обеспечено.

Натурщик для Рибейра. Целовать фарфоровые куклы добродетели.

Кажется, чувствуешь самый сокрытый коренной нерв жизни, в котором присутствует сам его создатель.

Мама, рождая меня, положила мне в сердце такой громадный кусок любви, который мне не иссосать, сколько бы я ни лакомился.

У него б[ыла] та веселая грусть, которая бывает только у людей, любящих лицевую сторону жизни, но загляну[вших] на нее и с изнанки.

Как один дурак может одурачить своей бесчеловечной глупостью массу людей порядочных.

От И. И. И. пахнет скукой и цитатой. Эстетич[ный] недоросль.

Великорус – историк от природы: он лучше понимает свое прошедшее, чем будущее; он не всегда догадается, что нужно предусмотреть, но всегда поймет, что он не догадался. Он умнее, когда обсуждает, что сделал, чем когда соображает, что нужно сделать. В нем больше оглядки, чем предусмотрительности, больше смирения, чем нахальства.

Джутовый мешок.

Что такое счастье? Это возможность напрячь свой ум и сердце до последней степени, когда они готовы разорваться.

Толстой и Сол[овьев] стали философами только потому, что один начал размышлять, когда перестал что-либо понимать, а другой начал понимать, когда перестал размышлять.

Эти дамы и девицы годятся только в самки и совершенно негодны как женщины.

Городской водопровод – кто кого проведет?

Разница между Толстым и Мопассаном: второй потерял ум, не подозревая его в себе; первый вечно искал своего ума и не мог найти его.

Русские романисты занимались анатомией сердца.

Роз., Ю. Н. и т. п. убаюкивают себя своими же собственн[ыми] сказками.

Самое благовоспитанное сердце – которое воспитано печалью.

Он проникал в те странные, сырые глубины жизни, заглянуть в которые – высшее торжество человеческого прозрения, но из которых нельзя выйти здоровым.

Разница между историками и юристами только в точках зрения: историки видят причины, не замечая следствия; юристы замечают только следствия, не видя причин.

Страшно за этого писателя: в нем гениальность борется на два фронта – с сумасшествием и глупостью.

Вся молодежь хочет жениться и выходить замуж, у всех истосковалась шея по веревке.

Он весь пропах вонью своего неассенизированного сердца.

На женщин надо смотреть их глазами, принимать за то, чем сами себя они считают, но поступать с ними по степени их соответствия своему о себе мнению. Женщина, колеблющаяся между долгом и чувством, – надо осудить ее за нарушение долга и уважить ее чувство. Она сама себя накажет за первое, другие д[олжны] ее наградить за второе. Не только догадлив, но и откровенен. «Что же делать?» – «Что велит сердце и позволяет совесть». – «А если второе отменяет волю первого, что тогда?» – «Тогда распустить несогласное министерство и составить новый кабинет». – «Из кого?» – «Из инстинкта, минутного самозабвения и вечного раскаяния. Монарху лучше кабинет – interim, чем одиночество». – «Я одна возьму грех на себя». – «Физически невозможно и юрид[ически] несправедливо, потому что не можете сделать его без меня: я необходимый пайщик в барышах и ответственный плательщик в обязательствах».

Жалкое общество широких appetitов, преждевременных геморроев, самоуверенных бездарностей, больных жен, неудавшихся карьер, обманутых надежд, потерянных голов и без толку израсходованных совестей.

Европа цивилизованная доцивилизовалась до четверенек, и ей остается взорвать самоё себя ею же изобретенным динамитом, венцом научного знания, если ее вторично не спасет от безбожной мефистофелевщины верующая ирония – разбойничий крест с распятой на нем вечной истиной и любовью.

Игровые бумаги – игровые профессора.

Тактика благоразумной жены: всю жизнь мучить, терзать мужа, пачкать и пакостить ему, а овдовев, кудяхать о несравненных и небывалых качествах его ума и сердца, считать остав-

шиеся после него деньги и лить романтические слезы над его могилой, с умилением и благодарностью вспоминать день и час его кончины.

Любительские спектакли тем отличаются от настоящих профессиональных, что в последних актеры представляют живые лица, не будучи ими, и в первых живые лица представляют актеров, тоже не будучи ими.

На удивительно радостном нравственном основании он ухитрился построить крайне печальное мирозерцание (виз[антийская] икона на золоте).

Под сильными страстями часто скрывается только слабая воля.

[..]

Гигиена учит, как быть цепной собакой собственного здоровья.

Их аукционная совесть знает таксы, не правила.

Античный политеизм – религия чувственности без любви; христианство – религия любви без чувственности; безбожие – религия без того и другого.

Писатель – не сочинитель: первый пишет, чтобы изложить свои мысли; второй сочиняет мысли, чтобы что-нибудь написать.

Говоря публично, не обращайтесь ни к слуху, ни к уму слушателей, а говорите так, чтобы они, слушая Вас, не слышали Ваших слов, а видели Ваш предмет и чувствовали Ваш момент; воображение и сердце слушателей без Вас и лучше Вас сладят с их умом.

Каждое его печатное слово – частица расплавленного его мозга. Потому оно жгло умы слушателей.

Часто бранят сочинение писателя только потому, что сами не умеют написать так.

Эти люди сами под себя ходят.

Наше общежитие – игра в кошку-мышку.

Он преподает не науку, а свои собственные мысли, т. е. свои научные недоразумения.

Ссылнокалаторжная беллетристика, зачатая Достоевским и вынашиваемая Короленком.

У них нет никаких доблестей ни умственных, ни нравственных, но много житейских, скорее гостиных удобств, и в этом отношении они похожи на свою мебель, купленную по случаю, но мягкую. То, на чем они сидят, не лучше того, что на этом сидит, а то, чем они мыслят, не лучше того, чем они сидят на этом (на своей мебели).

Холопство перед своим собственным величием, притом совершенно призрачным, болезненным продуктом своего же воспаленного воображения.

Раздушенный кавалер православия об руку с Гретхен, пишущей сантим[ентальные] переводы о самодержавии и народности.

От их постно-масленного благочестия пахнет нигилистическим керосином. Они пока очень стоят за православный катехизис, который только что начали учить и у ж е дочитывают веру, мечтают о надежде и перестанут верить в Бога прежде, чем доберутся до любви.

Глупость – это их недостаток, развившийся от излишества.

Народы, воспитанные на религиозных обрядах, наиболее дают театральных талантов – евреи.

Хр[истиан]ство – религия любви; здесь сказано все – и сущность, и история.

Глупые люди любят самые умные игры.

Надобно упорно всматриваться в ... жизни, чтобы заставить жизнь раскрыть свои карты.

Мужчина только тогда может любить женщину, когда [она] из самки пересоздается в любимую женщину.

В его глазах светится не столько ума, сколько сумасшествия.

Театр более всего полезен для молодежи: житейские пассажи, наиболее для нее соблазнительные и гибельные, здесь являются пошлыми и надоедают ей прежде, чем она их испытает.

Рассказ Ч-на, как его диссертация, как антицентрализованная, не была пропущена в Москве Орнатским и Баршевым, но принята в Петербурге Никитенком. Исторические явле-

ния [надо] не только изобразить, но и оценить. Россия – огромное дерево, растущее по своей внутренней силе независимо от внешних содействий и облепленное козявками.

Вот Ф[илипп] Ф[илиппыч] Вигель
То особая статья:
По-немецки он Schweinigel,
А по-русски он свинья

К-ши – богаделенная семья. Старик – вечный стипендиат своих друзей. За него вклады для издания «Р[усского] в[естни]ка». К. и Л. возвратили деньги, но вытолкнули стипендиата. Павлова начинал ориентализмом тот же К-ш. 8 ноябр[я] 1892.

Как Ундина, она задушила его той самой душой, которую от него же получила.

Наблюдая жизнь людей, думаю, что за того, кого любят, вовсе не страшно умереть.

Их спокойствие и философское самообладание есть не что иное, как окаменевшее и заделавшееся в монументальные рамки самообожание. Пахнет не только изо рта, но и из сердца.

Пролог XX века – пороховой завод. Эпилог – барак Красного Креста.

Люди, отсидевшие себе задницу, часто принимают возбуждение отсиженной слепой кишки за талант.

Добрые только потому, что нет сил или охоты быть злыми, т. е. делать зло.

Юрид[ическая] нравственность – долг, обязат[ельная] повинность, а не потребность нрав[ственного] чувства.

Не наступайте на их разгоряченное парное величие, не марайте ног.

Женятся на надеждах, выходят за обещания, плоды – обманы и слезы, если не измены.

Непогрешимость пищеварения.

Из 100 остроумных 1 умный.

Холера больше предупредила смертей, чем причинила их.

От многих народов и сословий веет могилой и архивом.

Правительство ли тянет общество или общество толкает вперед правительство? Слабость и сила г[осу]д[ар]ства.

Талант духа – талант золота или точнее проц[ентных] бумаг.

Он сам себя поставил в угол, отступив к печке, и принялся любоваться этим своим прекрасным двойником. Очень обыкновенная психическая галлюцинация.

Не то чудотворный, не то просто артезианский колодец дамских и генеральских слез.

Речь – расплавленное золото.

М. – самая красивая карикатура, мною виденная. Он глуп оттого, что так красив, и не был бы так красив, если бы был менее глуп.

Они эксплуатировали все свои права и атрофировали все свои обязанности.

Собаки перестают лаять, когда видят человека, плачущего над могилой. Но И. И. не собака и, увидав К. над могилой Л., начал лаять пуще прежнего.

Блестящее перо и светлая мысль – не одно и то же.

Он слишком умен, чтобы быть счастливым, и слишком несчастлив, чтобы быть злым.

Мания порядка.

Они открыли ему его самого.

Они и свои головы поутру отыскивают, только с помощью прислуги вместе с панталонами.

[...] Великодушное безрассудство.

В людях встревоженных рождается вера в необычайное, подобно болотным огонькам; когда все гибнет, держатся за надежду в чудо, как за соломинку.

Лица вместо принципов.

Два рода неудобных людей: 1) в чужих словах читают свои мысли, 2) в своих словах повторяют чужие мысли.

Не всякий, кто смеется, весел.

Доверие народа к своим вождям есть признак его веры в себя, в свои нравственные силы.

Жизнь учит лишь тех, кто ее изучает. [...]

Разрозненные афоризмы

1889–1899 гг.

1.

[После 23 февраля 1889 г.]

Прежде дорожили лицом и скрывали тело, ныне ценят тело и равнодушны к лицу. Рисовали головки без корпуса вопреки природе, рисуют корпус с головкой и то лишь из вежливости к природе. Любили хорошее тело своей Оли, потому что оно Олино, ныне любят Олю, потому что у ней хорошее тело. Прежде инстинкт, как холоп, грубил и бунтовал, но и подвергался бичу, ныне он эмансипировался и пользуется уважением, как природный государь жизни. Чувство идет в ногу с обществ[енным] порядком: натурализм в искусстве, сенсуализм в морали соответствует демократии, как прежний идеализм.

Не ученый русский лингвист, а международный лингвистический аппарат.

Прежде в женщине видели живой источник счастья, для которого забывали физическое наслаждение, ныне видят в ней физиологический прибор для физического наслаждения, ради которого пренебрегают счастьем.

2.

[Около 10 апреля 1890 г.]

Они знают, может быть, больше, но понимают, несомненно, меньше. Они приходят к нам с умами возбужденными, но совершенно пассивными: умеют усвоить, впитывать в себя, но не умеют перерабатывать, переваривать. Они прочтут и изложат, что и сколько угодно; но задайте им вопрос, ответ на который они должны найти в том же, что они прочитали и изложили, – они не ответят ничего или ответят не на вопрос. Отсюда происходит одна печальная странность. Они довольно хорошо усваивают наши исторические курсы. Припоминая, чему их учил гимназ[ический] учитель истории, они видят, что в курсах нечто другое, – профессор говорит им не то, что говорил учитель; не противоположное, но и не похожее, а что-то совсем не то. Первый начал не то, что продолжил второй. Отсюда прежде всего мысль, что все, чему их учили в гимназии, лишнее, потом другая мысль, что все, чему их учили в у[ниверсите]те, следует преподавать и в гимназии. Они, очевидно, не умеют связать унив[ерситетского] курса лекций с гимназ[ическим] уроком и делают двойную ошибку, неправильно ценят, чему их [учили] в гимназии, и неправильно сами учат в гимназии. Устранить эти ошибки и есть задача исторического семинария. Задача эта состоит в соглашении университет[етского] преподавания истории с гимназическим, а соглашение это должно быть достигнуто таким путем: нужно точно указать, что гимназич[еское] преподавание должно подготавливать для университетского и что университетское может сделать для гимназического. Что дает гимназическое преподавание для университетского? Говорят, кадры исторического знания: перечень царствований, войн, имен, дат. Гимназист переходит в университет с сердечным отвращением и презрением ко всему этому. Что делает университетское преподавание для гимназического? Говорят, смысл исторического знания: кандидат у[ниверсите]та является учителем в гимназию с фразеологией идей, отношений, интересов, фактов, явлений, законов. Выходя из гимназии в университет, он не знает, зачем ему то, чему он учился в гимназии; возвращаясь из университета в гимназию, он не знает, что ему делать с тем, что он узнал в у[ниверсите]те. На педагогическом жаргоне это отношение обоих учебных заведений выражается проще: гимназия-де дает факты, у[ниверсите]т – идеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.